

Ниже возможностей

ПРОКОПЬЕВСКИЙ городской драматический театр им. Ленинского комсомола закончил нынешний театральный сезон двумя спектаклями — «Юность моей» А. Школьника и «Потерянным сыном» А. Арбузова. Обе вещи ставят проблемы воспитания настоящего человека.

«Юность моя» была уже показана широкому зрителю. О ней и пойдет речь в рецензии.

Сюжет пьесы предельно прост. Славка Коваль, студент и боксер, попадает в компанию стиляг, бросает институт и становится членом их общества «Специите жить». Приезжает отец Славки, старый кадровый строитель, коммунист. Отцовская пощечина взбудораживает душу сына, и тот решается начать жизнь сначала — едет на стройку. Благодаря чуткости и заботе новых товарищей герой обретает профессию монтажника и счастье познанныго труда. Происходит примирение отца и сына. Вот и все.

Как же подошел театр к сценическому воплощению замысла драматурга?

Прежде всего, спектакль поражает обилием костюмов. И, если внимательно приглядеться к ним, станет ясно, к чему стремились его создатели, устранивая

на сцене этот своеобразный маскарад. Замысел очень прост: выразить глубокое, внутреннее через поверхностное, внешнее; душевный мир человека — через детали его одежды, прически, обуви.

В спектакле, как впрочем и в пьесе, два совершенно различных типа людей и человеческих отношений: труженики и тунеядцы, товарищество и эгоизм.

Главный режиссер театра Г. Л. Легков облек это внутреннее противоречие в зримую, материальную оболочку — в костюмы, парики, грим, тем самым не смягчил, а усилил драматургическую слабость пьесы. И, действительно, что не тунеядец — то франт, и наоборот.

Меняется человек — меняется его одежда. Символом пропойной испуганной жизни Ковалья является голубой берет. Когда же Коваль окончательно порывает со своим прошлым, берет исчезает, и на смену ему появляется новый символ — пояс монтажника.

Такое надуманное использование костюмов привело к тому, что многие актеры играют не героев, а их внешнюю оболочку. Это можно сказать, и о Непечке (артистка Ф. Дубовская), и о Жорже (артист А. Соколов), об Иване Фомиче (артист В. Давыдов). Очень мало узнаем мы о героях, об их душевных качествах из игры актера.

К сожалению, этого не смог избежать и П. Кобзев, в общем талантливо и правдиво сыгравший роль рвача и хулигана Леонида.

Несмотря на то, что по замыслу драматурга положительное начало является во всем действии преобладающим, в спектакле, хотели или не хотели этого его создатели, получилось обрат-

ное. Отрицательные герои очерчены ярче, выпуклее, убедительнее. И по очень простой причине:

в их репликах, поступках и даже жестах много смешного, частую нарочитого, заранее рассчитанного на смех зрителя.

Значительно сложнее была задача актеров, игравших положительные персонажи. У них нечем было смешить зрителя, да и не зачем: ведь их игра должна была заставить его думать и чувствовать. А думать-то как раз и не над чем. Зрителю и без того ясно, что Славка Коваль обязательно станет хорошим парнем, что он полюбит свою бригадиршу Таню, которая сразу смягчится и из «бабы яги» превратится в «чудесную, мягкую и поэтичную Татьяну Ларину», что у Ивана и Гали «все образуется», и они станут самыми счастливыми влюбленными.

Особенно бедна драматургическим материалом роль главного героя — Славки Ковалья. Статичность игры Н. Хлебникова усиливает этот недостаток, обедняет и без того не очень-то эмоциональную натуру бывшего бездельника и чемпиона.

Бедность актерского ансамбля углубляется невыразительным общим оформлением спектакля. Музыкальный фон представлен попури из молодежных песен не первой свежести. Рисованный суперзавес один и тот же во всех трех действиях, не говоря уже о том, что он представляет всего лишь увеличенную, неудачную копию известного плаката «Утро семилетки».

В целом спектакль получился слабый, невыразительный, поставленный явно ниже возможностей коллектива.

А. АНТОНОВ.